

Сизова Ирина Игоревна

СЮЖЕТ О ПЕРВОМ ВИНОКУРЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

В статье рассматриваются источники сюжета о первом винокуре в творчестве Л. Н. Толстого. Проанализированы сюжет и образы литографированных картинок о винокурении, а также композиция и особенности содержания легенды и рассказа из сборников "Народные русские легенды, собранные Афанасьевым" и "Народные славянские рассказы" И. П. Боричевского, "древнего сказания" "Первый винокур" А. Ф. Погоского; выявлена манера творческого освоения этих источников Толстым.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 172-177. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82(091); 398;801.8; 82-2; 82-32; 7.04;7.08.

Филологические науки

В статье рассматриваются источники сюжета о первом винокуре в творчестве Л. Н. Толстого. Проанализированы сюжет и образы литографированных картинок о винокурении, а также композиция и особенности содержания легенды и рассказа из сборников «Народные русские легенды, собранные Афанасьевым» и «Народные славянские рассказы» И. П. Боричевского, «древнего сказания» «Первый винокур» А. Ф. Погоского; выявлена манера творческого освоения этих источников Толстым.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; сюжет о первом винокуре; фольклорный и литературный источник; тема и мотив; композиция и художественный образ; литературная обработка; манера творческого освоения.

Сизова Ирина Игоревна, к. филол. н.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

и_sizova@bk.ru

СЮЖЕТ О ПЕРВОМ ВИНОКУРЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. Н. ТОЛСТОГО[©]

В феврале-марте 1886 г. Л. Н. Толстой создал комедию для народного зрителя «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил», которая представляет собой обработку в драматической форме рассказа «Как чертенок краюшку выкупал». Целью настоящего исследования является установление источников сюжета о первом винокуре, положенного Толстым в основу этих произведений. Остов сюжета незамысловат: молодой неопытный чертенок (первый винокур) «командируется» по делам своей службы из ада на землю, становится батраком мужика и учит его варить водку. В поле нашего зрения – книга «Народные русские легенды, собранные Афанасьевым» (1859), сборник И. П. Боричевского «Народные славянские рассказы» (1844), «древнее сказание» «Первый винокур» (1860) А. Ф. Погоского и литографии о первом винокуре.

Принято считать, что в работе над рассказом и комедией писатель опирался только на книгу народных легенд А. Н. Афанасьева. Эта традиция заложена В. И. Срезневским в десятом томе Полного собрания художественных произведений Толстого под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума. В. И. Срезневский обосновал свою позицию следующим образом: «Толстой взял в основу этого рассказа белорусскую легенду о происхождении хлебного вина, которая изложена в книге А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды»... по сборнику И. Боричевского «Народные славянские рассказы»... Конец... взят из приведенного в том же издании Афанасьева рассказа, слышанного от татар Нижегородской губернии» [14, с. 367]. В Юбилейном издании В. И. Срезневский уточнил, что Толстой использовал белорусскую легенду о происхождении хлебного вина «именно в том ее виде», как она изложена Афанасьевым [13, с. 723]. Позднее Л. Д. Опульская, комментируя народные рассказы Толстого, учитывала только легенды Афанасьева [6, с. 531; 7, с. 19-20].

Иную точку зрения высказал Н. К. Гудзий. Ученый полагал, что сюжет комедии и рассказа заимствован из литографированной лубочной картинке, изданной в 1880-х годах петербургским книгопродавцем И.-Г.-Г. Блиссером [1, с. 674]. Впервые на этот факт указал Н. С. Лесков [2, с. 132-133].

Итак, в научной литературе не решено несколько вопросов, обусловивших задачи нашего исследования. Во-первых, нет ясности в том, обращался ли Толстой непосредственно к сборнику Боричевского или он ограничился собранием Афанасьева. Документальные сведения о знакомстве Толстого с трудом Боричевского не сохранились, но он мог быть известен писателю по примечанию из книги Афанасьева [3, с. 182].

Во-вторых, предстоит решить, использовал ли Толстой «древнее сказание» «Первый винокур» Погоского, с которым он был, как выясняется, знаком. Произведение Погоского было включено в рекомендованный Комитетом грамотности перечень изданий для «классного упражнения в чтении», который Толстой подверг острой и бескомпромиссной критике в педагогической статье «Об общественной деятельности на поприще народного образования». Литературоведы обошли вниманием тот факт, что при жизни Толстого на этот источник его комедии указывали педагог Х. Д. Алчевская и исследователь истории народной печати в России Е. С. Некрасова [5, с. 63; 20, с. 100-103]. В периодической печати второй половины 1880-х годов нами обнаружены аналогичные свидетельства, которые появились в преддверии публикации комедии (1886) [9, с. 2; 10, с. 3; 15, с. 2].

Нельзя не учитывать также соображение Лескова, поддержанное Н. К. Гудзием, о тематической близости толстовских пьесы и «сказки» с лубочными картинками о первом винокуре [1, с. 674; 2, с. 132-133].

В-третьих, особенности творческого освоения Толстым сюжета о первом винокуре, которые могут быть обнаружены при сопоставлении рассказа и комедии писателя с их предполагаемыми источниками, дополняют существующие научные представления о поэтике народной литературы Толстого-просветителя. Основным ее фактором считаем связь идеологии и художественного творчества Толстого [11, с. 191-194; 12, с. 58-65].

Ко времени обращения Толстого к созданию народной литературы адресованные той же аудитории литографированные картинки имели уже вполне установленные термины: простовик (нижний сорт), праздники и конница (второй сорт), литография (высший сорт). Как и книги для народного чтения, картинки проходили через цензуру; фраза «Дозволено цензурой» была обязательна. Сюжеты литографий не составлялись «зря».

Были чрезвычайно популярны библейские события, евангельские притчи, церковные песнопения в лицах, назидательные изобличения пороков (к последнему типу принадлежал привлечший внимание Толстого сюжет о первом винокуре).

На сходство заголовков комедии Толстого и распространяемой в народе книгопродавцем Блисером литографии указал Лесков в статье «Откуда заимствован сюжет пьесы Л. Н. Толстого – «Первый винокур»»: «Пьеса составляет как бы *сценарио*, в котором лица, изображенные на картине, говорят слова, соответствующие их целям и их настроению. Без сомнения, у великого мастера это могло и должно было выйти прекрасно, – как о том и отзываются» [2, с. 133]. «Сатира» картины «Первый винокур», отмечал Лесков, крестьянам «езде нравилась». Литография изображала сатану, который учит курить вино, «в деталях» «разорения и бедствия, которые приносит перевод сытного хлеба на пьяный спирт, и возникающее отсюда пьянство, разврат и преступления» [Там же].

Сюжетную выразительность картины Блисера, но с другим вариантом названия («Вино – злейший враг человечества»), описала педагог Алчевская; на полях этой литографии крестьяне прочитывали тексты из Священного Писания: «На ней изображен винокурный завод, пожирающий массу хлеба и картофеля, который везут и несут к нему множество подвод и людей. Направо – тюрьмы, куда тоже тянется вереница людей за разного рода преступления, изображенные тут же наглядно с удивительной изобретательностью и разнообразием» [20, с. 102]. В том, что литографии о вреде пьянства привлекали внимание народа, Алчевская соглашалась с Лесковым. В рецензии на пьесу Толстого она привела любопытный факт. Слушатели комедии обратились к учительнице с просьбой выписать для них эту картину из города, «хотя бы она стоила даже не дешевле 20 к. Очевидно, что такая цена казалась им огромной суммой, но они решались затратить ее, столько интереса и значения представляла для них лежащая перед ними картина» [Там же].

На масленичной неделе 1886 г. (конец февраля) Толстых в Хамовниках посетил филолог И. М. Ивакин, которому писатель сообщил о чтении и переделке легенд из сборника Афанасьева. Задумав дидактические рассказ и комедию для народного читателя о вреде пьянства, Толстой оттолкнулся от примечания к двадцать девятой легенде «Горький пьяница».

Тема пьянства – единственный признак, объединяющий «сказку» «Как чертенок краюшку выкупал», комедию «Первый винокур» и легенду «Горький пьяница». Ее композиционно-сюжетный рисунок иной. Некий старик, который живет со своим сыном Петрушей, упивается «зеленым вином» в кабаке; по пути домой он пропадает в реке, споткнувшись о камень и упав в воду. Дьявол превращает старика в лошадь и переносит его в свой лесной дворец. Петруша избавляет отца от наказания за пагубное пристрастие. Возвратившись домой, он забывает о пьянстве и не берет больше в рот ни капли губительного зелья [3, с. 97-99].

В комментарии к легенде Афанасьев кратко передал своими словами белорусский рассказ «Недобрая выдумка», вошедший в книгу Боричевского: «Жил-был бедный мужик; взял он чуть ли не последнюю краюшку хлеба и поехал на пашню. Пока он работал, пришел черт и утащил краюшку. Захотелось мужику пообедать; хватить – а хлеба нету! — Удное дело! сказал мужик; никого не видал, а краюшку кто-то унес. А, на здоровье ему! авось с голода не умру». Пришел черт в пекло и рассказал обо всем *набольшему* дьяволу. Не понравилось сатане, что мужик не только не ругнул вора, а еще сказал ему на здоровье! И послал он назад черта: «тупай, заслужи мужикову краюшку!» Обернулся черт добрым человеком и пошел к мужику в работники: в сухое лето засеял ему целое болото – у других крестьян все солнцем сожгло, а у этого мужика уродился чудной хлеб; в мокрое, дождливое лето засеял по отлогим горам – у других все подмокло и пропало, а у этого мужика опять урожай на славу. Куда девать хлеб? Черт и принялся за работу: давай за-тирать да высиживать горькуху, и таки умудрился! После от него все переняли делать горькуху, и пошла она, окаанная, гулять по белому свету!» [Там же, с. 182].

Эпизодическую последовательность, остов сжатого пересказа Афанасьева Толстой сохранил в завязке, развитии и кульминации сюжета рассказа и комедии. В большей степени этот пересказ Афанасьева отразился на создании «сказки». Длинноты ее эпизодов непропорциональны. Завязка (темы пахоты и кражи краюшки) составляет семнадцать строк. Развивающие действие эпизоды об отчете чертенка в аду и его работе на мужика тоже лапидарны: двенадцать и тринадцать строк. Кульминация сюжета, эпизод о приготовлении вина, спаивании хозяина и других крестьян, еще более краток – всего четыре строки [18, с. 145].

Завязка сюжета комедии оформилась в кратком первом действии с постановкой тем пахоты и кражи краюшки. Второе и третье действия значительно шире и движут драматическую коллизию. Во втором действии события разворачиваются в «пекле»; здесь описан отчетный день служителей ада. Тема «Чертенок в работах у мужика» составляет основу третьего действия; его лейтмотив – искушение крестьянина вином. Сначала мужик обогащается при помощи чертенка, который хочет взять реванш за краюшку и оттого подсказывает в течение трех лет, как правильно посеять зерно для хорошего урожая. Затем служитель ада искушает крестьянина питьем. Кульминация сюжета пьесы – четвертое действие, которое развивает тему нравственного падения человека от выпивки (на примере образов мужика и его жены Марфы) [19, с. 38-53].

Развязка и дидактическое заключение рассказа и пьесы соотнесены со второй частью примечания Афанасьева к легенде «Горький пьяница». Ученый отметил вариант рассказа о происхождении хлебного вина, бытовавший среди татар Нижегородской губернии, и привел его «дополнение» о лисьей, волчьей и свиной крови: «Приготовляя вино, черт подмешал туда сначала лисьей, потом волчьей, а наконец и свиной крови. От того, если человек немного выпьет, – голос бывает у него гладенький, слова масляные, так лисой на тебя и смотрит; а много выпьет – делается у него свирепый, волчий нрав; а еще больше выпьет – и как раз очутится в грязи, словно боров» [3, с. 182-183].

Нравоучение Толстой широко ввел в развязку своего рассказа, что, с одной стороны, увеличило его объем (сорок две строки), а с другой – сразу выделило проблематику: нравственное падение хозяина и его гостей. В поучительном заключении рассказа – диалоге наибольшего и чертенка об изготовлении питья (шестнадцать строк) – пересказ Афанасьева переработан Толстым в русле его религиозных и этических воззрений 1880-х годов [11, с. 191-194; 18, с. 145]. В комедии эти события описаны в развязке сценического действия со встроенным назиданием (пятое и шестое действия) [19, с. 53-60].

Дидактическая экспозиция о вреде пьянства и «греховоднице» чарке открывает белорусский рассказ «Недобрая выдумка» из собрания Боричевского [4, с. 168]. Завязка повествует о бедном мужике Сидоре, который гол как сокол, а ребятишек имеет целых полдесятка. Его нравственная чистота выделена сразу. Он добр и работающ, любит свою тихую жену и души не «чует» в детях. Сидор берет из дома чуть ли не последнюю краюшку хлеба и идет на пашню, краюшку хлеба оставляет на меже. Долго крестьянин «перемогает» голод, но не выдерживает («человек есмь») и возвращается за краюшкой, а ее как не бывало. «Чудное дело, – думает Сидор, – никого не видать было, а краюшку кто-то стибрил. А, на здоровье ему! За один день от голоду не умру!» [Там же, с. 170]. Сотворив молитву, он пошел голодным домой. «Не по-нашему!» – возмущается черт и, порыскав по белому свету и «накутив» «порядком бесовским», «убирается» домой.

Эпизоды об отчете бесенка в аду, его батрачестве у Сидора и приготовлении им «горькухи» – последующие этапы в движении сюжета. Эпизод спаивания Сидора («Ведь бояться нечего, тот же хлеб, только жидкий») формирует кульминацию [Там же]. Опохмел из двух крючков превратил Сидора в раба «славной штуки» черта. В концовке эпизода нравственный облик крестьянина изменен впервые – «падение» Сидора рождает в нем гордыню: «Теперь нада задать пир на весь мир. Пусть знают, что Сидор, то Сидор, а не какой-нибудь Кузьма Довгопуз, не Манерка, не Серик, не Лобач и Ханцевич!» [Там же, с. 180].

В развязке, эпизоде о «пире» крестьян, пьянство уже распространилось на село, в котором живет Сидор. Его отрицательная роль в спаивании односельчан выдвинута на первый план и подчеркивает деградацию этого героя. Концовка рассказа разомкнута в пространстве и во времени. Весь крестьянский мир оказался во власти «бесовского зелья» [Там же, с. 182].

Следы «отражения» белорусского рассказа «Недобрая выдумка» из собрания Боричевского вторичны в композиции «сказки» Толстого: эпизоды об отчете чертенка в аду, его службы у мужика в работниках, угощения вином богачей последовательно расположены друг за другом и соотносятся с пересказом Афанасьева. В комедии они проявились двояко, прямым и косвенным образом. Опосредованная связь преломилась в очередности сценических действий, посвященных темам отчета чертенка в аду (второе действие), его службы у мужика в работниках и теме искушения крестьянина (третье действие); как и в рассказе, она идентична пересказу Афанасьева. Прямую связь находим в образной системе, темах и лейтмотивах, на уровне изобразительно-выразительных средств, что позволяет доказать факт художественного осмысления Толстым этого источника.

Рассказчик сообщает, что у Сидора были жена и дети, ради которых он бережет краюшку хлеба и не приступает к еде [Там же, с. 169]. Из реплики мужика в первом действии комедии явствует, что у него была жена: «Краюшку большую баба отрезала, а гляди, всю съем» [19, с. 38].

Образ соседа в пьесе Толстого (третье действие) может уходить корнями в белорусский рассказ. Афанасьев только упоминает в своем изложении «других крестьян», пострадавших в течение двух лет от неурожая [3, с. 182]. Но в белорусском рассказе действуют соседи, которые наблюдали («глядели») за тем, «как батрак Сидоров пахал болото, толковали между собой и впрямь и вкось; смеялись исподтишка» [4, с. 174]. В третьей сцене третьего действия комедии сосед восторгается богатым урожаем хозяина и удивляется тому, что он мог угадать, где нужно посеять [19, с. 45].

Дальнейшее художественное истолкование Толстым образа соседа уже самостоятельно; этот образ проявляет, акцентирует положительные нравственные качества мужика. В диалоге мужика и соседа (четвертая сцена) писатель раскрыл цель посещения гостя, пришедшего одолжить осьминку ржи: «Дошел весь, на лето отдам» [Там же, с. 46]. Крестьянин не отказывает неимущему соседу, несмотря на запрет работника, недовольного тем, что тот «не бросает старую привычку – дает» и не во всем еще «слушает» [Там же].

Мотив расхваливания работником «добра», которое он намеревался приготовить, и придуманной батраком «потехи» развивает тему искушения и объединяет пьесу Толстого с белорусским рассказом; в пересказе Афанасьева этого нюанса нет. «А какую придумал затею?» – спрашивает Сидор у черта. «А вот какую, – следует ответ, – варим мы пиво; без хмелю – квас, а подкинешь хмельку – как-то получше, зашумит маленько в голове, и повеселеешь и разогреешься» [4, с. 177]. В пятой сцене третьего действия комедии работник обещает изготовить такое питье: «Если сил нет, силы прибавится; если есть хочется, сыт сделаешься. Если сон не берет, заснешь сейчас; если скучно, весело станет. Если заробел, смелости даст» [19, с. 47].

Эпизоды спаивания Сидора в белорусском рассказе и искушения мужика в пятой сцене третьего действия комедии составляют кульминацию темы искушения, не переданной Афанасьевым, они тоже идентичны в некоторых тонкостях. «Горькой» водку называют Сидор в рассказе и мужик в пьесе. Слово «горько» в эпизоде спаивания Сидора, небольшом фрагменте текста, употреблено десять раз и принимает значение лейтмотива [4, с. 177-178].

Обращает внимание, что Толстой, оттолкнувшись от белорусского рассказа, использовал слово «горько» на раннем этапе создания эпизода спаивания мужика. В концовке пятой сцены третьего действия мужик спрашивает у работника о питье, которое тот намеревается приготовить (автограф): «А на вкус-то оно не горько?» – и получает ответ: «У! сладкое, как мед, да духовитое» [17, оп. 1, л. 16 об.]. Позднее, в копии рукой

С. А. Толстой, писатель отказался от дословной связи с источником и изменил текст (имея в виду не питье, а водку), но не довел правку до конца. Выделим неисправленное слово курсивом: «Муж<ик>. А на вкус-то *она* приятная? Раб<отник>. Сладкая как мед. Отведаешь разок, ты с ним век не расстанешься» [Там же, оп. 2, л. 9].

Показательно, что аналогичным образом Толстой осваивал пересказ Афанасьева к легенде «Горький пьяница», работая над рассказом «Как чертенок краюшку выкупал». Просматривая копию автографа, выполненную В. Г. Чертковым, писатель вычеркнул определение «последняя» в описании краюшки хлеба, имеющееся в источнике.

Примечание Афанасьева	«Как чертенок краюшку выкупал» Толстого	
	Автограф	Копия
«Жил-был бедный мужик; взял он чуть ли не последнюю краюшку хлеба и поехал на пашню» [3, с. 182].	«Выехал бедный мужик пахать. [Взял с собой] не завтракамши и взял с собой из дома последнюю краюшку хлеба» [16, оп. 1, л. 1].	«Выехал бедный мужик пахать, не завтракамши, и взял с собой из дома [последнюю] краюшку хлеба» [16, оп. 2, л. 1].

Мотив омоложения от питья едва намечен в белорусском рассказе. «Словно десяток лет с костей», – радуется Сидор в эпизоде спаивания, – «кровь вот так тебе ходаром и ходит» [4, с. 178]. «Да и я, кажись, помолодел», – вторит ему черт, – «будто сам не свой, и молодые годы назад повернулись» [Там же, с. 178-179]. В эпизоде о «пире» крестьян Сидор уже показывает пример своим гостям тем, что первым пробует водку [Там же, с. 181].

Широко вводит Толстой мотив омоложения в четвертое действие своей комедии (вторая и четвертая сцены). Сначала появляется жена крестьянина, Марфа. Мужик приводит ей слова работника Потапа, который утверждает, что от водки «старые молодыми сделаются» [19, с. 50]. Затем писатель расширяет круг действующих лиц: в сценические события были вовлечены девочка Машка, мать мужика и дед (герой-резонер) [Там же, с. 51-52].

18 апреля 1886 г. «Русские ведомости» (раздел «Театр и музыка») сообщили о том, что В. С. Серова, вдова известного композитора и автор дававшейся с большим успехом в Москве оперы «Уриэль Акосто», пишет «чисто народную русскую оперу». Это произведение по музыке и содержанию должно быть вполне доступно для крестьянина; предполагалось, что условия его сценической постановки потребуют самых скромных затрат. «Мы слышали, – продолжал корреспондент, – что граф Л. Н. Толстой, посветивший себя нынче всецело народной литературе и вполне симпатизирующий идее создать репертуар народной оперы, взял на себя труд написать либретто для г-жи Серовой, которое уже и окончил. Основанием для либретто послужила известная полуфантастическая сказка А. Ф. Погоского «Первый винокур», в которой афоризм о вреде пьянства проводится в легкой и занимательной фабуле» [9, с. 2].

Погоский предположил своему произведению подзаголовок – «Древнее сказание» – и эпиграф: «Во время оно, когда не было ни неба, ни земли, а стоял один только плетень – греха на свете не было!» [8, с. 3]. Структуру рассказа отличают четкость построения и соразмерность элементов сюжета. Экспозиция противопоставляет отвлеченно-абстрактное прошлое современности. В «оное древнее время» существовал на земле некий «непочатый край». Черт тогда был «работящ, искусен и заботлив», а человек – «добр и бестолков на всякий грех». «Нынче» человек перехитрил черта, «совсем дураком его сделал» и «почище» черта устраивает для себя «всякие худые дела» [Там же].

«Командировка» молодого чертенка на землю тысячу лет назад «для посева меж людей разных недоумений и для наущения худым делам» [Там же], его встреча с мужиком и кража краюшки завязывают действие; развивают фабулу эпизоды об отчете черта в преисподней и его батрачестве у мужика. Кульминация действия – эпизод спаивания мужика и устройства винокурного завода. Три ночи черт-батрак «держал совет» с ведьмами и «выдумал» себе «честь», мужику – «прибыток», а всем – «великую радость». Характер «хозяина» изменился: «скоро разбогател, жаден стал». Он соглашается с чертом в том, что жито девать некуда, «позабывши, что по всему селу нужда и бедность; забыл мужик свою прежнюю нужду – а этого черту и нужно» [Там же, с. 12].

Победное возвращение в ад первого винокура описывает развязка. Закрывая стодневный бал у бел-горюч камня, владыка преисподней произносит ему хвалебную речь: «Удивил, одарил и возвеселил ты весь ад: у всего крещеного мира горбушку хлеба украл! Изобрел *распой, пропой и запой!* За то дарю тебе, отныне по век – все души *опившихся и опивающих!*». Эпилог развернут во времени и пространстве («с той поры... по всей земле, то там, то сям...»), что усилило обличение пьянства [Там же, с. 15].

Название владыки ада («старшой»), как и заглавие комедии («Первый винокур»), Толстой заимствовал у Погоского. «Однаже, – повествует рассказчик, – пора лететь с отчетом в ад: старшой ждать не будет» [Там же, с. 6]. Реплика чертенка, не сумевшего «обротать» мужика в первом действии толстовской комедии, начинается так: «Вот и толкуй старшой! Старшой всё говорит...» [19, с. 39].

Сходно описание ада у Погоского и у Толстого, отсутствующее в пересказе Афанасьева и в белорусском рассказе; родствен состав действующих лиц этих частей рассказа и комедии. Сравним начало эпизода об отчете в преисподней у Погоского и вступительную ремарку ко второму действию комедии Толстого:

Рассказ Погоского	Комедия Толстого
«В главном углу преисподней, в синем полъме, в черных клубах дыма, на каменном престоле сидел сатана» [8, с. 6].	«Ад. На главном месте сидит старшой черт» [19, с. 39].

Перед отчетом мужицкого чертенка Погоский подробно описал доклады четырех чертей. «Старый, комолый и кривой» черт отчитался за поджог двадцати семи дворов и семнадцати гумен, учиненный по его наущению беглецом из острога. Другой черт, «невеличкой, весь рыжий и хвост в сажень», рапортовал о том, как опекун сироту пустил по миру; сироту осталось подучить еще «маленько» – «и украсть уже сможет!» [8, с. 6-7]. «Коренастый» бес, со свистком на медной цепочке на шее, помутил «окиян» и два корабля потопил, один с грузом пшеницы, а другой – с шелком и шестью бочонками золота. «Очень развязный мелкой» бес доложил, что он соблазнил прекрасную и вертлявую даму, имеющую глупого мужа, чем вызвал грозный «рык» сатаны: «Болван! где жена вертлява, а муж глуп – там и без тебя грех будет!» [Там же, с. 8].

Толстой придал отчетам чертей социальную значимость, чем усилил, в отличие от Погоского, сатирическую сторону своей комедии. Писарь «старшого» ведет учет отчетов от «боярского», «купеческого», «поповского», «монашеского», «судейского», «бабьего», «приказного» и «мужицкого» бесов [19, с. 40]. На раннем этапе толстый черт приводит в «пекло» «купцов бородатых и в немецком платье», которые заманиваются «старыми штуками»: «[Все больше деньгами]». Как только купец начнет копить «на черный день» и «брюхо отпустит», «так и готов» [17, оп. 1, л. 13]. Гордый черт приводит за собой полсотни господ, попавшихся на важности, первоначально на гордости. Черт-франт искушил «без малого» сотню женщин, согрешивших «по-старому», «нарядями» [Там же]. Позднее после франтоватого чертенка докладывал приказный чертенок. Он привел в ад таких ребят, которые «заместо чертей отвечать могут» и «лучше чертей людей смущают» [19, с. 40]. Завершал отчетный день мужицкий чертенок с украденной краюшкой.

Другие текстовые параллели между рассказом Погоского и комедией Толстого прямо свидетельствуют о некоей общности между ними в трактовке характеров и прорисовке описательных деталей, в выстраивании композиции.

Таким образом, в творческой истории рассказа «Как чертенок краюшку выкупал» и комедии «Первый винокур» выделяем не один источник, как это принято считать, а комплекс источников сюжета этих произведений. К их числу относим литографированные картинки о винокурении, примечание Афанасьева к легенде «Горький пьяница» из сборника народных русских легенд, белорусский рассказ «Недобрая выдумка» из собрания Боричевского, «древнее сказание» «Первый винокур» Погоского.

С литографированными картинками рассказ и комедию Толстого связывает общее предназначение – назидательное обличение пьянства в народе; сходны лейтмотив, сюжетный рисунок и отдельные действующие лица. Во всех картинках фигурируют владыка ада, винокурный завод, грешники и подчеркнуто необратимое последствие от пьянства, когда «оступившиеся» люди пополняют собой преисподнюю. Повидимому, существовало несколько вариантов литографии Блисмера: «Первый винокур» (указан Лесковым) и «Вино – злейший враг человечества» (описан Алчевской).

Примечание Афанасьева к легенде «Горький пьяница», в котором пересказан белорусский рассказ «Недобрая выдумка», в большей степени повлияло на создание рассказа «Как чертенок краюшку выкупал», чем комедии «Первый винокур». Эпизодическую последовательность, остов пересказа Афанасьева Толстой учитывал в композиционной последовательности эпизодов «сказки» об украденной краюшке.

На белорусский рассказ «Недобрая выдумка» Толстой опирался при написании комедии, что проявилось в образной системе, темах и лейтмотивах, на уровне изобразительно-выразительных средств «балаганной» пьесы. К этому источнику восходят образы жены мужика, его соседа, мотивы расхваливания работником водки и придуманной им «потехи», омоложения от питья, не имеющиеся в пересказе Афанасьева. Тема искушения крестьянина чертом-батраком в белорусском рассказе и пьесе Толстого построена на повторении определений «горький», «горькая» и их производных (темы и приема также нет у Афанасьева). Писатель использовал дословную связь с источником на раннем этапе воплощения замысла комедии. Тот же прием он применил в рассказе, исключив «говорящее» определение «последняя» из описания украденной чертенком краюшки.

«Древнее сказание» «Первый винокур» Погоского тоже находилось в поле зрения Толстого во время его работы над комедией. С этим источником связываем появление в «балаганной пьесе» заглавия, названия владыки ада («старшой»), картины преисподней, действующих лиц второго действия. Комедию Толстого и рассказ Погоского объединяют также общая смысловая тональность в освещении писателями образа главного героя, единство изобразительных деталей в раскрытии ими темы приготовления водки, близкая авторская позиция в поучении.

Манера творческого освоения Толстым источников сюжета рассказа «Как чертенок краюшку выкупал» и комедии «Первый винокур» обусловлена позицией Толстого-просветителя. Ярче это положение иллюстрирует рассказ, композицию которого отличает непропорциональность длинот эпизодов. Кратки завязка, части, развивающие действие, кульминация сюжета; нравоучение Толстой широко вводит в развязку, чем увеличивает объем рассказа. Тем не менее для писателя содержание и форма художественного произведения равноценны по значимости.

Сюжет о первом винокуре в истории своего бытования от фольклорного памятника (белорусский рассказ и его варианты) до литературной обработки (сочинения Погоского и Толстого) приобретает черты индивидуальности именно в творчестве Толстого. Можно говорить о преимуществе Погоского перед Толстым со стороны художественной формы, ее выразительности. Однако оригинальная литературная «стилизация» народного рассказа у Погоского не изменила традиционную схему сюжета и типы героев.

Толстой по-своему встраивает в повествование поучительное начало, отказываясь от нравоучения в экспозиции (и от самой этой сюжетной части), не следует «правилу» поэтапного развития нравоучения на каждой ступени сюжета, как можно увидеть в белорусском рассказе и в «сказании» Погоского.

Своеобразно разрабатывает Толстой в рассказе и комедии принцип жизненного правдоподобия: в описании устройства черта в батраки к неимущему мужику некоторые пояснительные детали, которые есть

в белорусском рассказе, исключены. Писатель, вероятно, видел в этой части «лишнее» или «ненужное» событие для основной части произведения.

Кардинально изменена Толстым в комедии сюжетная линия о спаивании мужиком других крестьян. С одной стороны, писатель наглядно развивает нравоучение на примере конкретной семьи (мужика и его жены Марфы). С другой стороны – он сочетает сатирический и драматический пафос в изображении социальных характеров, показывая расслоение крестьянства на бедняков и кулачество.

Оригинальное поэтическое решение найдено Толстым при формировании фантастических образов рассказа и комедии. Как и образы крестьянские, фантастические образы у Толстого лишены общечеловеческого синтеза и не представляют собой широкие художественные типы. Их узкосословные и социальные подтипы в комедии – «боярский», «купеческий», «поповский», «монашеский», «судейский», «бабий», «приказный» и «мужицкий» бесы – максимально приближены к российским реалиям.

Толстой решительно пересмотрел традиционную схему истолкования аллегорической образности фольклором. «Выдумка» «высиживать» хлебное вино приписывается в народных стихах и легендах, как известно, нечистой силе [3, с. 181]. Но писатель вывел из этой «выдумки» в своих «волшебных» рассказе и комедии иное нравоучение. В том, что мужик стал пить, виноват не чертенок, а сам мужик. Толстой доводил до читателя очевидную истину: каждый человек должен уметь принимать собственные решения и нести за них ответственность.

Список литературы

1. Гудзий Н. К. «Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. Серия первая. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. Т. 26. С. 673-678.
2. Лесков Н. С. Откуда заимствован сюжет пьесы Л. Н. Толстого «Первый винокур» // Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 11-ти т. М., 1958. Т. 11. С. 132-133.
3. Народные русские легенды, собранные Афанасьевым. Лондон: «Вольная русская типография», 1859. 238 с.
4. Народные славянские рассказы, изданные И. Боричевским. СПб.: Типография Морского корпуса, 1844. 247 с.
5. Некрасова Е. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка: Типолитография Маишевой, 1902.
6. Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 504-536.
7. Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Издательство «Наука», 1979. 288 с.
8. Погоский А. Ф. Первый винокур (Древнее сказание). СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. 20 с.
9. Русские ведомости. 1886. № 104.
10. С.-Петербургские ведомости. 1886. № 107.
11. Сизова И. И. История создания рассказа Л. Н. Толстого «Как чертенок краюшку выкупал» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. 1. С. 191-194.
12. Сизова И. И. История текста драматической обработки легенды о царе Аггее Л. Н. Толстого // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 58-65.
13. Срезневский В. И. «Как чертенок краюшку выкупал»: история писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. Серия первая. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. Т. 25. С. 723-724.
14. Срезневский В. И. Примечания // Толстой Л. Полное собрание художественных произведений: в 15-ти т. / редакция К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М. – Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 10. С. 359-380.
15. Театр и жизнь. 1886. № 97.
16. Толстой Л. Н. Как чертенок краюшку выкупал // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1.
17. Толстой Л. Н. Первый винокур, или Как чертенок краюшку заслужил // Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1.
18. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Серия первая. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1937. Т. 25. 914 с.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. Серия первая. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. Т. 26. 950 с.
20. Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1889. Т. II. 976 с.

STORY OF THE FIRST DISTILLER IN WORKS OF L. N. TOLSTOY

Sizova Irina Igorevna, Ph. D. in Philology
Gorky Institute of World Literature
u_sizova@bk.ru

The article considers the sources of the story about the first distiller in the works of L. N. Tolstoy. The plot and images of lithographic pictures about distillation are analyzed as well as the composition and peculiarities of the legend content and the story from the collections "Folk Russian Legends collected by Afanasyev" and "Folk Slavic Stories" by I. P. Borichevsky, "the ancient legend" "The First Distiller" by A. F. Pogosky; the manner of creative mastering of these sources by Tolstoy is detected.

Key words and phrases: Lev Tolstoy; story of first distiller; folk and literary source; theme and motive; composition and artistic image; literary adaptation; manner of creative mastering.